

БАСТИЛИЯ ДУХА.

(„Духовная школа“. Сборникъ статей. М. 1906. Ц. 1 р. 35 к.).

...„безуміе и ужасъ“...
Л. Андреевъ.
 („Красный смѣхъ“).

1.

Эти два слова: *безуміе* и *ужасъ* неотвязно стояли въ моемъ сознаніи при чтеніи книги, которой вызвана настоящая замѣтка, и мнѣ кажется, что они вполне точно выражаютъ общій смыслъ и настроеніе статей, вошедшихъ въ составъ сборника. Статьи эти вышли изъ-подъ пера не одного лица и не одинаковы по своей литературной формѣ: здѣсь есть и воспоминанія о школьной (духовно-училищной и семинарской) жизни, по характеру описываемой среды и по манерѣ ея изображенія живо напоминающія знаменитые „очерки бурсы“ Помяловскаго, и педагогическіе трактаты, посвященные критикѣ учебно-воспитательнаго строя низшей, средней и высшей школы духовнаго вѣдомства, и даже сырые матеріалы для изученія этого строя, въ видѣ вопросныхъ пунктовъ, разосланныхъ студентами Московской академіи воспитанникамъ духовныхъ семинарій, отвѣтовъ на эти вопросы и семинарскихъ петицій ¹⁾. Но при всемъ разнообразіи внѣш-

¹⁾ Чтобы дать болѣе ясное представленіе о составѣ книги, представляемъ полный перечень помѣщенныхъ въ ней статей: 1) Безъ призора. Воспоминанія о духовномъ училищѣ—*Н. Смирнова*; 2) Дезорганизованная коллегія. Изъ замѣтокъ и наблюденій учителя дух. училища—*С. Клязьмина*; 3) Воспитаніе въ духовной школѣ—*С. Любимова*; 4) Атеизмъ. Изъ пережитаго—*Н. Смирнова*; 5) Принципы богословскаго образованія—*П. Любимова*; 6) Къ вопросу о преподаваніи литературы—*его же*;

ного состава сборника, содержаніе его отличается замѣчательнымъ внутреннимъ единствомъ, и произведенія разныхъ авторовъ отнюдь не оставляютъ у читателя впечатлѣнія пестрой толпы, лишь случайно и безъ достаточнаго основанія собравшейся подъ одну кровлей. Это не простой механический подборъ статей на одну общую тему, а цѣльный, не смотря на свою видимую раздробленность, коллективный трудъ, проникнутый однимъ общимъ взглядомъ на предметъ и преслѣдующій одну общую задачу. Основная мысль, красною нитью проходящая чрезъ всѣ статьи и идейно ихъ объединяющая, та, что „духовная школа изжила сама себя“, что въ настоящее время она даже въ минимальной долѣ не отвѣчаетъ своимъ воспитательно-образовательнымъ задачамъ и нуждается въ коренномъ преобразованіи. Составители сборника не задаются мыслью начертать подробный планъ духовно-учебной реформы, вполне сознавая, что это „дѣло ума и силъ многихъ людей“; но для нихъ несомнѣнно то, что духовная школа должна быть перестроена до основанія, и они—всѣ безъ исключенія ея питомцы и дѣятели, непосредственно знающіе ея основные недостатки—добровольно выходятъ на работу, чтобы „положить одинъ изъ камней въ зданіе будущей новой школы“ или хотя только „расчистить нѣсколько почву“ для этого зданія. Чтобы расчистить почву, необходимо разобрать по камнямъ старое зданіе, давшее трещины во многихъ мѣстахъ и, того и гляди, готовое рухнуть. Нужно свѣсшить съ перестройкою старыхъ казармъ, выдающихъ себя за свѣтлые храмы науки, чтобы предупредить катастрофу, одинаково угрожающую со стороны обвѣшаной, неразсчетливой постройки—ея подневольнымъ жильцамъ, со стороны жильцовъ—постылой и душной казармѣ. Вся книга, находящаяся передъ нами сейчасъ, и есть именно

7) Философія въ духовной семинаріи—*проф. П. Тихомирова*; 8) Какъ мы изучали Библію—*Н. Горностаева*; 9) Духовно-учебное начальство—*У. А.*; 10) Записки семинариста—*Н. Румянцева*; 11) Страничка изъ недавняго прошлаго; 12) Семинарскія петиціи; 13) Епархіальныя женскія училища—*А. Смирнова-Кутаческаго*; 14) О духовныхъ академіяхъ—*проф. П. Тихомирова*. Перечисленнымъ статьямъ предпослано предисловіе „отъ авторовъ“, намѣчающее ихъ общую точку зрѣнія на то, что составляетъ предметъ ихъ коллективнаго обследованія, и намѣчающее цѣль предприятия ими изданія.

призывъ къ такой перестройкѣ,—призывъ къ обновленію духовной школы во всѣхъ ея частяхъ, опирающійся на безотрадную, но вѣрную характеристику этой школы со стороны ея неясно сознанныхъ, взаимно-противорѣчивыхъ задачъ, ея худо обдуманыхъ, практически нецѣлесообразныхъ средствъ и тѣхъ тяжелыхъ, чисто отрицательныхъ результатовъ, къ какимъ приводитъ, въ конечномъ общемъ итогѣ, послѣдовательное проведеніе началъ, положенныхъ въ основу современнаго духовно-учебнаго и духовно-воспитательнаго строя. *Безуміе* этого строя и *ужасъ* послѣдствій, какими отражается онъ ближайшимъ образомъ на питомцахъ духовной школы, а затѣмъ и на всей вообще русской религіозно-церковной жизни, отсюда получающей своихъ духовныхъ вождей и руководителей,—вотъ въ немногихъ словахъ существенное содержаніе ряда статей, изданныхъ вмѣстѣ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ.

Мы не будемъ останавливаться въ отдѣльности на каждой изъ этихъ статей, рекомендуя нашимъ читателямъ ознакомиться съ ними непосредственно, и ограничимся лишь общимъ очеркомъ современной духовной школы на основаніи богатаго матеріала, даннаго въ находящемся передъ нами сборникѣ.

Коренное зло этой школы, ея „первая ложь“ заключается въ непримиренной и по существу непримиримой двойственности преслѣдуемыхъ ею задачъ. Возникшая и опредѣлившаяся въ своихъ основныхъ чертахъ еще въ ту пору, когда русская жизнь не знала другихъ школъ, кромѣ узко-профессіональныхъ, наша духовная школа въ теченіе долгихъ лѣтъ, по мысли ея устроителей и руководителей, должна была прежде и главнѣе всего—служить дѣлу приготовленія кандидатовъ для замѣщенія священно-и церковно-служительскихъ должностей. Такая именно задача выдвигается на первый планъ и дѣйствующими нынѣ уставами духовныхъ училищъ, семинарій и академій. Извѣстно, однако, что нѣкоторыя условія жизни нашего православнаго духовенства, въ разъясненіи которыхъ здѣсь нѣтъ особой надобности, давно уже указали духовной школѣ другую цѣль, фактически оказавшуюся съ теченіемъ времени не менѣе настоящей, чѣмъ первая. Безъ сомнѣнія, было дѣломъ простой справедливости—позаботиться о томъ, чтобы облег-

чить духовенству, въ большинствѣ своемъ слишкомъ скудно обеспеченному въ матеріальномъ отношеніи, возможность дать образованіе дѣтямъ, не предрѣшая, конечно, для послѣднихъ съ первыхъ же дней школьной жизни ихъ будущей дѣятельности. Правильное разрѣшеніе этой задачи должно было бы повести къ учрежденію особыхъ *общеобразовательныхъ* школъ на средства духовнаго вѣдомства или—еще проще—къ учрежденію стипендій этого вѣдомства при школахъ уже существующихъ. Но въ дѣйствительности вопросъ разрѣшенъ былъ иначе, и благотворительно-общественно-образовательная миссія въ отношеніи къ дѣтямъ православнаго духовенства возложена была на ту же самую духовную школу, которая, какъ мы видѣли, имѣетъ свою опредѣленную профессиональную задачу. Въ этой безнадежной „погонѣ за двумя зайцами“ и заключается коренной источникъ тѣхъ внутреннихъ противорѣчій въ организаціи духовной школы, которые въ наши дни привели ее къ полному банкротству.

Начать съ того, что въ силу двойственности своего словнаго и профессиональнаго назначенія школа эта на всѣхъ своихъ ступеняхъ является *замкнутымъ* учрежденіемъ, почти недоступнымъ для однихъ и принудительно-безвыходнымъ для другихъ. Первую группу составляютъ тѣ „иносословные“, которые захотѣли бы получить доступъ въ учебное заведеніе духовнаго вѣдомства. Нужно замѣтить, что въ выборѣ духовной школы этими лицами дешевизна обученія въ ней въ большинствѣ случаевъ не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, такъ какъ для иносословныхъ плата за обученіе устанавливается обыкновенно въ повышенномъ размѣрѣ, доходящемъ до размѣра платы въ мѣстныхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ и даже превышающемъ его. пониженіе же платы, а въ особенности освобожденіе отъ нея допускается лишь „въ исключительныхъ случаяхъ, съ разрѣшенія каждый разъ епархіальнаго преосвященнаго“ (Цирк. по дух.-учебн. вѣд. 1900 г., № 20, стр. 9). Казалось бы, что при такихъ условіяхъ можно не опасаться чрезмѣрнаго наплыва въ духовную школу лицъ свѣтскаго происхожденія. „не расположенныхъ къ духовному образованію“ (то же, 1903 г., стр. 16), а напротивъ—только радоваться притоку освѣжающихъ стороннихъ элементовъ въ замкнутую духовную среду. А между тѣмъ, по выразительному замѣчанію

автора одной изъ статей, помѣщенныхъ въ разсматриваемой книгѣ (стр. 92), „цѣлая система проволочныхъ загражденій и волчьихъ ямъ препятствуетъ лицамъ недуховнаго сословія поступать въ духовную школу“. Достаточно напомнить знаменитый циркуляръ по духовному вѣдомству (1900 г., № 20, стр. 9—10), предписавшій принимать въ духовныя училища по экзамену сначала дѣтей духовенства, а затѣмъ, *если останутся вакансіи*, и иносословныхъ, „не выше, однако, 10 % всего количества поступающихъ въ училище“. Это распоряженіе, невольно приводящее на память аналогичную ограничительную норму относительно приѣма евреевъ въ свѣтскія учебныя заведенія, можетъ служить самой выразительной иллюстраціей сословной замкнутости нашихъ духовныхъ школъ, составляющей одну изъ причинъ того печальнаго разобщенія между клиромъ и міромъ, которое является величайшимъ зломъ нашей церковной жизни. Но если такъ затрудненъ доступъ къ духовному образованію лицамъ не-духовнаго происхожденія, то не меньшими трудностями обставленъ и выходъ изъ духовной школы для тѣхъ, кого сословная традиція и горькая нужда обрекли на необходимость искать общаго образованія въ нѣдрахъ духовныхъ училищъ и семинарій. Дорогою цѣной приходится расплачиваться имъ за тѣ довольно скудныя благодѣянія, какія изольетъ на нихъ духовно-учебная власть,—цѣною вынужденнаго отреченія отъ несбывшихся юныхъ надеждъ, отъ возможности понести свои молодые силы на служеніе дѣлу, лично наиболѣе желанному и дорогому. Какъ надъ дверями дантовскаго ада, надъ современной духовной школой могла бы быть водружена надпись, предупреждающая о безнадежности, по крайней мѣрѣ—для большинства вступающихъ въ нее, выхода къ инымъ свѣтлымъ сторонамъ жизни. Тѣ, отъ кого зависѣла судьба этой школы и ея питомцевъ, сдѣлала слишкомъ много для того, чтобы преградить послѣднимъ доступъ въ свѣтскія учебныя заведенія, считая самую мысль о выходѣ изъ тѣсно замкнутаго сословнаго круга проявленіемъ какой-то преступной безнравственности. Читатели находящагося передъ нами сборника, незнакомые съ порядками духовной школы, вѣроятно, не безъ удивленія узнаютъ, что въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ „четверка поведения“ ставится лучшимъ семинаристамъ только за то, что, вопреки предложе-

нію начальства держать экзаменъ въ духовную академію, они предпочитаютъ поступать въ университетъ или другія свѣтскія высшія учебныя заведенія. Такое естественное стремленіе къ свѣту иные педагоги относятъ къ дурному поведенію. — „По моему, это святотатство“, — говорилъ одинъ ректоръ, нынѣ епископъ, семинаристамъ по поводу ухода въ университетъ ихъ нѣсколькихъ товарищей. Въ самомъ дѣлѣ, человекъ, посвященный въ стихарь, выходитъ изъ духовнаго званія. Несомнѣнно, онъ *крадетъ* изъ „церкви“ и уноситъ въ „міръ“ полученную благодать. Это ли не дурное поведеніе? Ослѣпленные фанатическою ревностью объ укрѣпленіи мощи и величія церкви, нѣкоторые духовные педагоги хотятъ силой удержать будущихъ ея служителей и караютъ измѣнниковъ съ холодной, бездушной жестокостью *ad maiorem Dei gloriam* (Дух. шк., стр. 111).

Послѣднее замѣчаніе не должно казаться преувеличеніемъ. Чтобы понять все значеніе этой „четверки поведенія“, угрожающей задумавшему „святотатство“ семинаристу, необходимо припомнить, что въ силу одного изъ синодскихъ циркуляровъ по духовно-учебному вѣдомству (1899 г., № 19, стр. 3) кончающіе семинарію съ успѣхами, дающими право на 1-й разрядъ, но за „не благоповеденіе“ аттестованные балломъ 3 или даже 4, выпускаются по 2-му разряду, чѣмъ — не говоря уже о нѣкоторомъ ограниченіи служебныхъ правъ по духовному вѣдомству — передъ дерзновеннымъ любителемъ недуховаго просвѣщенія „наглухо закрываются всѣ и безъ того не широко отворенныя двери въ высшія учебныя заведенія, духовныя и свѣтскія“ (Дух. шк., стр. 107). А что онѣ дѣйствительно до весьма недавняго времени не особенно широко открыты были и для перворазрядниковъ, объ этомъ въ данномъ случаѣ едва ли нужно много распространяться. Тѣ измѣненія въ учебномъ курсѣ духовныхъ семинарій, какія были произведены нынѣ дѣйствующимъ уставомъ ихъ, были именно опредѣленно рассчитаны на то, чтобы сокращеніемъ общеобразовательныхъ предметовъ и новымъ порядкомъ ихъ прохожденія провести возможно-болѣе рѣзкую черту между средней духовной и свѣтской школой, уничтожить всякіе признаки параллелизма между ними и такимъ образомъ не только сдѣлать недопустимымъ непосредственный переходъ окончившихъ 4—6 классовъ семинаріи въ

высшія свѣтскія учебныя заведенія наряду, напр., съ воспитанниками гимназій, но и затруднить всякую самостоятельную попытку семинариста проникнуть въ заповѣдную для него область, пройдя чрезъ чистилище гимназическаго экзамена на „аттестатъ зрѣлости“. Замѣчательно, что это затрудненіе перехода въ свѣтскую школу вовсе не сопровождалось соотвѣтствующимъ расширеніемъ доступа окончившихъ курсъ семинаріи къ высшему богословскому образованію въ духовныхъ академіяхъ. Создалось въ общемъ какое-то поистинѣ безсмысленное противорѣчіе, при которомъ духовно-учебная власть, ревниво оберегая сословный характеръ своей школы и ея профессиональное назначеніе, оказалась въ роли, живо напоминающей классическую фигуру „блюстителя порядка“ при отправленіи имъ своихъ двухъ главныхъ обязанностей: „тащить“ и „непущать“...

Коснувшись учебнаго курса духовныхъ школъ, мы должны остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе. Несовмѣстимость тѣхъ двухъ задачъ, какія ставятъ этой школѣ ея современные руководители, обнаруживается здѣсь съ полною очевидностью. Какъ учебное заведеніе, имѣющее своимъ назначеніемъ удовлетворить общую потребность въ образованіи дѣтей духовенства, низшая и средняя духовная школа (за исключеніемъ развѣ 2—3 старшихъ классовъ послѣдней) должна бы быть школой общеобразовательной. Въ программу ея должны были бы войти не только тѣ же самые предметы, какія преподаются въ средней школѣ общеобразовательнаго типа, но и самый объемъ преподаванія ихъ долженъ бы стоять въ соотвѣтствіи съ общею нормою средняго образованія, вытекающею изъ общепризнанныхъ въ данный моментъ учебно-педагогическихъ требованій. Собственно говоря, такая постановка учебнаго дѣла не стояла бы въ противорѣчій и съ профессиональными задачами духовной школы при томъ предположеніи, что этимъ задачамъ будутъ специально посвящены 2—3 послѣдніе года обученія въ семинаріи, обязательные только для тѣхъ, кто пожелали бы избрать поприщемъ своей будущей дѣятельности служеніе въ священномъ санѣ ¹⁾). Въдь едва-ли кто станетъ оспаривать,

¹⁾ Высказывая это замѣчаніе, мы разсуждаемъ приспособительно къ существующему характеру духовно-учебныхъ заведеній, съ указанною

не находясь подъ гипнозомъ своихъ навязчивыхъ идей, ту азбучную истину, что всякая серьезная спеціализація возможна лишь на основѣ солиднаго общаго образованія, что богословскія науки, по своему содержанію и методамъ, требуютъ отъ изучающаго ихъ большей, чѣмъ всякая другая отрасль знанія, умственной зрѣлости и что пастырю церкви для успѣшнаго прохожденія своего служенія нужно обладать достаточно разностороннимъ образованіемъ, по крайней мѣрѣ—не меньше того, какое дается общеобразовательной средней школой. Между тѣмъ, дѣйствительность нашей духовной школы представляетъ нѣчто совсѣмъ не соответствующее сказанному,—и въ этомъ нельзя не признать послѣдствій крайняго увлеченія преслѣдованіемъ той профессиональной задачи, во имя которой въ духовной школѣ руководители ея хотятъ видѣть прежде всего—школу для приготовления духовенства. Для такого приготовления, въ смыслѣ сообщенія извѣстной суммы спеціально-богословскихъ и церковно-практическихъ знаній, имъ представляется недостаточнымъ двухъ или трехъ-годичный курсъ старшихъ классовъ семинаріи, въ дополненіе къ которому вводится длинный рядъ учебныхъ предметовъ того же цикла въ младшіе семинарскіе классы и въ курсъ духовныхъ училищъ, въ явный ущербъ предметамъ общеобразовательнымъ. Исключить ихъ совершенно не хватаетъ рѣшимости, да и невозможно, не доходя до явнаго абсурда (хотя въ отношеніи къ

двойственностью преслѣдуемыхъ ими задачъ. Но мы полагаемъ, что было бы цѣлесообразнѣе совсѣмъ устранить эту двойственность и, приблизивъ организацію преподаванія общеобразовательныхъ предметовъ къ обычному типу, выдѣлить спеціальныя классы въ особые учебныя заведенія, которымъ вполнѣ и приличествовало бы наименование духовной или богословской школы. На ряду съ этимъ для приготовления низшихъ членовъ клира могли бы быть созданы особые, тоже 2—3-годовые школы съ спеціальнымъ курсомъ, куда могли бы поступать не прошедшіе почему-либо всѣхъ общеобразовательныхъ классовъ семинаріи, равно какъ и прошедшіе другой какой-нибудь учебно-подготовительный путь, не ниже хотя бы двухклассныхъ народныхъ училищъ. Спѣшимъ присоединить, что такой проєктъ пониженнаго общаго и спеціального образованія низшихъ клириковъ мы считаемъ допустимымъ лишь въ силу практической невозможности, по существующимъ условіямъ матеріальнаго обезпеченія нашего духовенства, расширить въ настоящее время на всѣхъ безъ исключенія служителей церкви общую норму образовательнаго курса духовныхъ семинарій.

естествовѣдѣнію не остановились и передъ этимъ); но всячески урѣзать программу „свѣтскихъ“ предметовъ, удержать ихъ лишь въ минимальной дозѣ оказалось совершенно неизбѣжнымъ при томъ широкомъ просторѣ, какой отведенъ предметамъ „духовнаго“ содержанія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ припомнить ту крайнюю скудость общеобразовательныхъ свѣдѣній, какую выносить ученикъ духовнаго училища изъ пройденнаго имъ пятилѣтняго курса. Не говоря уже о полномъ незнакомствѣ съ жизнью окружающей его природы, онъ не приобретаетъ и элементарныхъ свѣдѣній изъ исторіи всеобщей и русской (преподаваніе которой начинается только въ семинаріи), такъ что, заканчивая училище въ возрастѣ 16—18 лѣтъ, можетъ не знать, кто такой былъ Петръ Великій и Александръ II. По справедливому замѣчанію одного автора, недавно писавшаго о духовной школѣ въ одномъ изъ свѣтскихъ журналовъ (см. „Вѣстн. Воспит.“ за 1905 г., стр. 161), ученики двухклассныхъ сельскихъ школъ счастливѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ воспитанники духовныхъ училищъ. Что касается духовныхъ семинарій, то о неполнотѣ и недоброкачественности приобрѣтаемыхъ ихъ питомцамъ на урокахъ свѣдѣній по математикѣ, физикѣ, исторіи и литературѣ едва ли нужно много распространяться. Достаточно привести изъ лежащей передъ нами книги лишь нѣсколько строкъ о постановкѣ преподаванія одного изъ этихъ учебныхъ предметовъ, едва ли не наиболѣе важнаго въ образовательномъ отношеніи среди всѣхъ „свѣтскихъ“ частей семинарскаго курса. „Духовная школа—читаемъ мы здѣсь—

не только совершенно игнорируетъ литературу, какъ особый методъ религіознаго знанія, но пренебрегаетъ и вообще надлежащимъ ея изученіемъ. Не говоря уже о литературѣ нерусской, которая въ семинаріяхъ не изучается совершенно, если не считать жалкіе отрывки изъ Илиады, классическихъ одъ и комедій, а также и нѣкоторыхъ обрывковъ европейскихъ художниковъ, приводимыхъ въ семинарскихъ учебникахъ случайно, какъ примѣры, иллюстрирующіе правила теории словесности,—и родная литература на урокахъ духовной семинаріи представлена главнымъ образомъ въ лицѣ двухъ періодовъ: церковнаго—допетровскаго и періода ложно-классическаго—послѣпетровскаго, на протяженіи которыхъ русскій народъ

еще только учился грамотно и согласно правиламъ теоріи словесности излагать свои мысли; третій же періодъ—Пушкинскій, когда литературный гений народа достигъ уже полной зрѣлости въ своемъ развитіи и пошелъ самостоятельно, оригинальнымъ путемъ, не пользуется сочувствіемъ школы. Она снисходитъ только къ Пушкину, Лермонтову и Гоголю, вся же остальная плеяда художниковъ,—Достоевскій, Толстой, Гончаровъ, Тургеневъ, Гаршинъ (не говоря о новѣйшихъ), произведенія которыхъ должны бы быть особенно цѣнными духовной школой, какъ первоклассный религіозно-педагогическій матеріалъ, оказывается похищенной у питомцевъ этой школы ихъ же воспитательницей. И только по собственному почину, и притомъ зачастую потихоньку отъ похитительницы, путемъ „подпольнымъ“ обокраденный юноша можетъ познаться съ идейнымъ богатствомъ родныхъ художниковъ“ (Дух. шк., стр. 194—195).

Насколько нелегко для семинариста это восполненіе „по собственному почину“ пробѣловъ своего литературнаго образованія, хорошо знаетъ всякій, кто знакомъ съ убогимъ составомъ семинарскихъ ученическихъ библіотекъ, изъ которыхъ враждебная всему „свѣтскому“ рука духовно-учебнаго начальства заботливо изъяла все, въ чемъ чувствуется вѣяніе живой жизни. Изъ питомцевъ современной духовной школы едва-ли много найдется такихъ, въ комъ не пробудить аналогичныхъ воспоминаній слѣдующее мѣсто изъ „Записокъ семинариста“, помѣщенныхъ въ сборникъ (стр. 262—263):

„По части чтенія у насъ въ семинаріи не важно. Въ ученической библіотекѣ беллетристика представлена Державиннымъ, Ломоносовымъ—изъ старыхъ писателей, изъ новыхъ—Лѣсковымъ, Писемскимъ, Печерскимъ. Преподаватель литературы особенно рекомендуетъ послѣдняго, заставляя читать его „На горахъ“. Не только Толстого или кого-нибудь изъ дѣйствительно новыхъ, въ нашей библіотекѣ нѣтъ Тургенева. Когда я былъ помощникомъ библіотекаря, то извлекъ изъ-за шкафа спрятанный тщательно туда тотъ томъ „Русскаго Вѣстника“, гдѣ напечатаны „Отцы и дѣти“. Этотъ томъ долго потихоньку передавался изъ рукъ въ руки, пока совсемъ не истребался. Вообще спасаетъ насъ отъ умственного замерзанія добавочная литература, существующая отчасти на

чердакъ, отчасти на рукахъ старшихъ учениковъ. Тутъ есть и сочиненія Писарева, которыми, какъ запрещеннымъ плодомъ, зачитываются семинаристы, и Добролюбова, и Чернышевскаго; въ рукописяхъ ходятъ „Историческія письма“ Миртова „Что дѣлать?“, „Кто виновать?“, „Знаменіе времени“ и тому подобное. Но это приходится читать потихоньку, съ оглядкой“.

Но чтеніе „потихоньку“ не всегда благополучно сходить съ рукъ. Семинарскія власти твердо помнятъ преподанное въ одномъ изъ синодскихъ циркуляровъ указаніе, что „книги свѣтскія содѣйствуютъ больше разсѣянію и даже развращенію мысли“, чѣмъ назиданію, и строго караютъ не въ мѣру любознательныхъ юношей за вкушеніе запретнаго плода. Въ другой статьѣ сборника („Воспитаніе въ духовной школѣ“) мы находимъ цѣлый мартирологъ, свидѣтельствующій о томъ, какъ далеко можетъ заходить въ этомъ случаѣ усердіе духовныхъ педагоговъ. Человѣкъ иной общественной среды не сразу повѣритъ, что по одному *подобртію* въ чтеніи „Плодовъ просвѣщенія“ семинаристъ можетъ быть подвергнутъ „29-часовому пребыванію на хлѣбѣ и водѣ въ такъ называемомъ темномъ карцерѣ“, что чтеніе Добролюбова или „Русской Мысли“ грозитъ ему увольненіемъ изъ семинаріи, что въ недавнее еще время цѣлый классъ едва не былъ казненъ децимаціей (исключеніемъ одного изъ десяти) за выписку въ складчину даже такой газеты, какъ „Московскія Вѣдомости“... Невольное чувство обиды за прошлое и стыда за свою школу поднимается въ душѣ при воспоминаніи о подобныхъ гоненіяхъ на „свѣтскую“ книгу, имѣвшихъ свои катакомбы и своихъ мучениковъ.

Но возвратимся къ учебному строю духовной школы и образовательнымъ результатамъ, ею достигаемымъ.—Стѣсненные въ своихъ программахъ и въ сущности только терпимые въ этой школѣ общеобразовательные предметы испытываютъ на себѣ давленіе близкаго сосѣдства предметовъ богословскихъ и въ другомъ отношеніи. На ряду съ послѣдними они занимаютъ какъ бы второстепенное мѣсто, и самое преподаваніе ихъ—по мысли учебнаго начальства—имѣетъ здѣсь лишь субсидіарное значеніе, такъ какъ преподавателямъ „свѣтскихъ“ предметовъ настоячиво рекомендуется постоянно имѣть въ виду профессиональную цѣль духовной

школы—приготовление къ пастырской дѣятельности. Характернымъ обращеніемъ такихъ внушеній можетъ служить циркуляръ по духовно-учебному вѣдомству 1888 г., указывающій на отступленіе нѣкоторыхъ преподавателей отъ указанной цѣли и рекомендующій при преподаваніи всеобщей и русской исторіи руководиться сочиненіемъ архимандрита Амфилохія „О промыслѣ Божіемъ въ развитіи вселенной“ (Вѣстн. Воспит., цит. статья, стр. 162—163). Послѣ этого, конечно, ужъ нечего удивляться тому, что питомцы духовной школы выходятъ изъ нея съ весьма скуднымъ запасомъ точныхъ свѣдѣній по общеобразовательнымъ предметамъ и, вѣроятно, выходили бы съ очень малымъ общимъ развитіемъ, если бы въ этомъ отношеніи спасительнымъ коррективомъ не являлась довольно широкая постановка преподаванія въ семинаріяхъ философскихъ наукъ. Въ виду этого вполне понятна и по нѣкоторымъ соображеніямъ совершенно не излишня для даннаго момента та горячая апологія этихъ наукъ, какую мы находимъ въ статьѣ проф. Тихомирова („Философія въ дух. семинаріи“), помѣщенной въ сборникѣ (стр. 190—211).

Если, какъ мы видѣли, общеобразовательная часть учебнаго курса духовной школы оказывается почти цѣлкомъ принесенной въ жертву ея профессиональной задачѣ, то естественно возникаетъ вопросъ: какой цѣнности получаются результаты, покупаемые столь дорогою цѣною? Выносить ли питомецъ этой школы изъ своего многолѣтняго изученія богословскихъ наукъ, задавившихъ собою всѣ другіе предметы духовно-училищнаго и семинарскаго преподаванія, солидные знанія по крайней мѣрѣ въ этой спеціальной области, живое религіозное чувство, окрѣпшее во всестороннемъ изслѣдованіи предметовъ вѣры, любовь къ первоисточнику религіознаго вѣдѣнія—священной „книгѣ книгъ“?—Поразительный для сторонняго нашему замкнутому духовно-учебному міру человѣка отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ статья г. Горностаева: „Какъ мы изучали Библію“ (стр. 212—227). Мы позволимъ себѣ привести здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ этой статьи, настоятельно рекомендуя всю ее вниманію тѣхъ, отъ кого зависятъ судьбы нашей духовной школы.

„Библію мы начали изучать съ первыхъ дней нашего школь-

наго бытія, — пишетъ г. Горностаевъ — и это изученіе мы продолжали непрерывно въ разнообразныхъ формахъ, подъ разными флагами, въ теченіе десятилѣтняго пребыванія въ духовной школѣ. Если Библія служить первоисточникомъ, стволомъ богословско-христіанскаго образованія, то всѣ богословскія науки, почти in corpore, являются ея естественными развѣтвленіями: изучая послѣднія, мы такъ или иначе изучали Библію. Мы изучали ее на урокахъ священной исторіи, катихизиса, библейской исторіи, священнаго писанія, гомилетики, догматическаго, нравственнаго, пастырскаго и отчасти основнаго богословія. Но мы никогда не слышали ея живого голоса. Ея могучій, всегда вѣщій богочеловѣчскій языкъ былъ нѣмъ для насъ... Библію мы изучали не въ подлинникѣ, а по дряхлой ветоши мертворожденныхъ учебниковъ и по запискамъ преподавателей не высшей цѣнности... Это былъ какой-то бюрократизмъ учебниковъ, не менѣ губительный, чѣмъ въ жизни чиновничій. Благодаря ему сама Библія оставалась въ сторонѣ и въ существѣ всегда была для насъ terra incognita“

Систематическое вытравливанье непосредственно-религіознаго отношенія къ „вѣчному слову жизни“ начинается уже съ духовнаго училища, а первымъ камнемъ въ числѣ тѣхъ, изъ которыхъ постепенно воздвигается непроницаемая стѣна между душою учащагося и Библіей, авторъ считаетъ практикуемое здѣсь изученіе филаретовскаго катихизиса.

„Страшно вспомнить о томъ напряженіи и расточительной тратѣ умственныхъ силъ и энергіи, которыя безвозвратно унесла съ собой слѣпая зубрежка катихизиса, иссушавшая умъ и вѣру. Катихизисъ являлся для насъ книгой, не допускающей никакой критики. Его авторитетъ стоялъ выше Евангелія. Каждое слово въ немъ звучало для насъ непреложной истиной. Катихизисъ мы заучивали буквально „съ крышки до крышки“, — все подъ рядъ, слово въ слово и при отвѣтахъ сами ставили себѣ вопросы и давали отвѣты. „Вопросы — отвѣты“, — конечно, быстро расплывались въ памяти, теряя ясность и опредѣленность своей формулировки. Но въ мысляхъ — при дѣтски воспріимчивой и нѣжной психологіи — надолго оставался желѣзный гнетъ филаретовскаго, по большей части юридическаго, пониманія вопросовъ вѣры. Этотъ гнетъ еще въ отрочествѣ лишалъ насъ религіозной свободы и въ

корни убивилъ наше личное, свободное религиозное творчество. Къ изученію Библии мы должны были приступать внутренне-отравленные и связанные „філаретовщиной“. Это было началомъ разрушительнаго вліянія школы, благодаря которому большинство изъ насъ теряло силы и средства развивать и углублять субъективное пониманіе христіанскихъ истинъ. Устанавливался мертвый традиціонизмъ, рабство религиозной мысли (а за ней логически, послѣдовательно, и религиозной жизни). Теперь же впервые гибло въ насъ и такъ естественное чувство уваженія къ слову священной книги — къ тексту“.

Изученіе „текста“ священныхъ книгъ въ той послѣдовательности, какую онѣ имѣютъ въ Библии, начинается съ перваго класса семинаріи и продолжается въ теченіе всего семинарскаго курса. Но это шестилѣтнее изученіе совсѣмъ не обезпечиваетъ, въ конечномъ результатѣ, непосредственнаго знакомства со *всѣмъ* содержаніемъ Библии, читаемой, по программѣ, съ пропускомъ главъ и цѣлыхъ книгъ. Привычка къ отрывочнымъ фразамъ писанія, вынесенная изъ катихизическихъ уроковъ, обнаруживаетъ свое дѣйствіе, подрывая интересъ къ связному тексту, а повторная смѣна уже знакомыхъ изъ священной исторіи библейскихъ событій и лицъ еще болѣе притупляетъ вниманіе, изрѣдка искусственно возбуждаемое хитроумнымъ комментированіемъ особенно „важныхъ“ и трудныхъ для толкованія мѣстъ. Длинный рядъ преподаваемыхъ въ старшихъ классахъ семинаріи богословскихъ наукъ, постоянно возвращающихъ мысль учащагося все къ тѣмъ же давно знакомымъ словамъ писанія, завершаетъ этотъ разрушительный процессъ, приучая смотрѣть на живой „божественный глаголъ“ какъ на послушный матеріалъ для богословско-діалектической эквилибристики. Непрерывное упражненіе въ обосновываніи различныхъ богословскихъ положеній обрывками библейскаго текста создаетъ привычку постоянно имѣть его на языкѣ и пускать въ ходъ иной разъ съ поразительнымъ легкомысліемъ, доходящимъ до прямого кощунства ¹⁾. Но и это—еще не послѣдняя сте-

¹⁾ Вотъ одинъ изъ образцовъ семинарскаго острословія въ этомъ родѣ. Въ одной изъ семинарій велась шутливая, но горячая полемика между „живущими“ и „приходящими“ воспитанниками. Живущіе жили въ

пень того злоупотребленія Библіею, какое является результатомъ назойливой принудительности бездушнаго изученія ея въ духовной школѣ. Едва хватаетъ рѣшимости воспроизвести здѣсь изъ вышеназванной статьи, къ сожалѣнію, безусловно правдивыя сообщенія о нѣкоторыхъ фактахъ, отъ которыхъ вѣтъ ужасомъ послѣдняго поруганія святыни:

„Чѣмъ дольше мы изучали Библію,—съ горькимъ чувствомъ вспоминаетъ авторъ—тѣмъ ниже падалъ для насъ ея священный авторитетъ. Являлось невольное стремленіе омрачить ея истинность и святость, найти въ ней самой что-нибудь ея компрометирующее. Праздная мысль отыскивала виѣшнія противорѣчія въ текстѣ и разсказахъ. Сочинялись быговыя сценки съ библейскими сюжетами,—въ родѣ того, что къ Аврааму приходятъ три странника и просятъ поставить самоварчикъ и пр. Комическіе разсказы, подобные „всемирной утопіи“, переписывались, ходили по рукамъ и при чтеніи вызвали дружный ободряющій хохотъ. Находились любители священныхъ мѣстъ съ „пикантнымъ“ содержаніемъ. Терпѣливо перелистывались страницы, и „нужныя“, „интересныя“ мѣста прочитывались вслухъ окружающимъ. Сколько попутныхъ сальностей, двусмысленныхъ замѣчаній, сравненій, непередаваемого, часто до виртуозности изощреннаго цинизма сопровождало чтеніе такихъ мѣстъ. Были особые любители чтенія книги „Пѣсни пѣсней“. Нѣкоторыя библейскія фразы съ содержаніемъ „пикантнаго“ свойства, благодаря „любителямъ“, обогащали семинарскую терминологию“ (стр. 223).

Едва-ли нужно искать болѣе яркихъ красокъ для изображенія тѣхъ чисто отрицательныхъ результатовъ, какихъ удается достигнуть современной духовной школѣ въ ея исключительной погонѣ за насажденіемъ богословскихъ знаній въ будущихъ пастыряхъ церкви въ ущербъ ихъ общему образованію. Наболѣе тяжело отзывается эта исключительность въ преслѣдованіи профессиональной цѣли на тѣхъ, въ общемъ, быть можетъ, наболѣе сильныхъ и даровитыхъ

общежитіи, приходящіе—въ городѣ. Доказывая свое превосходство надъ приходящими, живущіе ссылались на текстъ св. писанія: „мы же, живущіе, воскреснемъ первѣе, потомъ же и вси“, т. е., комментировали они, мы, живущіе, при кончинѣ міра воскреснемъ раньше васъ, приходящихъ (Дух. шк., стр. 86).

натурахъ, въ которыхъ насквозь пропитывающія духовно-учебный строй пренебреженіе и подозрительность къ „свѣтскимъ“ наукамъ оказываются безсильными вытравить природную любознательность и задавить интересъ къ широкимъ областямъ гонимаго школою знанія. Обманутые въ своихъ лучшихъ надеждахъ и ожиданіяхъ, чувствуя себя, какъ въ ловушкѣ, въ той школѣ, куда въ ранніе годы, исключая возможность свободнаго выбора, почти принудительно толкнуло ихъ происхожденіе и бѣдность, эти подневольные кандидаты священства принимаются за безконечное изученіе богословія съ тѣми же чувствами, съ какими прикованный въ тачкѣ каторжникъ выполняетъ свой ненавистный, насильственно навязанный ему трудъ. Предубѣжденная мысль упорствуетъ противъ чуждыхъ ея интересамъ знаній и радостно цѣпляется за все, что кажется ей способнымъ унижить, расшатать, подорвать богословскую науку. А вмѣстѣ съ школьнымъ богословіемъ незамѣтно подрывается и та живая вѣра, какую всякій питомецъ духовной школы приносить съ собою изъ домашней среды, изъ раннихъ наставленій матери, изъ свѣтлыхъ дѣтскихъ впечатлѣній. Разумѣется, эта „убыль души“ должна быть тщательно спрятана отъ взоровъ духовно-учебнаго начальства,—и отравленный сомнѣніями юноша, убѣдившись, что только 1-й разрядъ при окончаніи семинарскаго курса можетъ открыть ему выходъ на вольный просторъ, принимается — скажемъ словами одной изъ статей сборника—

„прилежаніе другихъ изучать богословскія науки, ненавида ихъ до глубины души. Наставники не слышатъ неумолимой нотки ироніи и злого сарказма надъ наукой, преподавателемъ, и даже самимъ собою, которая слышится въ рѣчи семинариста, бойко отвѣчающаго урокъ по богословію. Преподаватель не услышитъ ихъ никогда, потому что сама же школа приучила питомца къ самому утонченному лицемерію и обману. Все это нравственно калѣбитъ юныя души, но закаляетъ, правда, энергію, терпѣніе и упорство. Не даромъ эти добродѣтели признаются иногда за специфически семинарскія“.

Не менѣе, если только не болѣе опустошительное дѣйствіе духовно-учебнаго строя на ихъ умственную жизнь испытываютъ люди массы, натуры менѣе крѣпкія и устойчивыя. Чрезвычайно раздвинутый кругъ богословскихъ наукъ, не

допускающихъ возможной въ другихъ областяхъ широты и свободы изслѣдованія, неизбѣжно воспитываетъ робость и лѣнь мысли, постоянно натыкающейся на „предѣлъ, его же не преjdeши“. Заставляя своего питомца непрерывно вращаться въ этомъ безвыходномъ кругу, школа сдавлиываетъ его умственный горизонтъ:

„Семинарскія истины, мертвыя, далекія отъ жизни, безсильны удовлетворить самому непрехотливому вкусу, другого матеріала нѣтъ и мозгъ все больше и больше усыпляется, умственные запросы замираютъ. Изученіе семинарскихъ наукъ обращается въ скучную повинность, которую такъ или иначе необходимо отбывать. Духовный питомецъ зубрить, когда ожидаетъ спроса, нужное количество страницъ семинарскаго учебника такъ же, какъ дровоколъ колетъ дрова или чиновникъ переписываетъ одиѣ и тѣ же бумаги, т. е. глубоко безучастный къ привычной работѣ. Онъ съ равнымъ прилежаніемъ и успѣхомъ будетъ изучать догматическое богословіе Макарія и физику Краевича и, если заставятъ, латинскій лексиконъ. Придавленные школой, такіе семинаристы не переживаютъ въ своей юности той бурной, прекрасной весны, когда человѣкъ пытается перерѣшить всѣ міровые вопросы... Ихъ интересы заполняются выпивкой, картами, рискованными похощеніями. Еще на ученической скамьѣ они обсуждаютъ вопросы о мѣстахъ и приданныхъ. На этой почвѣ слагаются типы матеріалистовъ, такъ нерѣдко встрѣчающіеся среди нашего духовенства. Способные приноровляться ко всякому режиму, безобразію и произволу, они разбредаются по далекимъ весямъ родной страны и живутъ—благоденствуютъ, удовлетворяя свои умственные запросы только чтеніемъ официальнаго отдѣла епархіальныхъ вѣдомостей“.

Не многимъ лучше оказывается конечный результатъ, достигаемый современной духовной школой въ отношеніи къ тѣмъ ея питомцамъ, которые выступаютъ на пастырское поприще, усвоивъ тщѣтельно обособленную, оторванную отъ жизни семинарскую науку не только за страхъ, но и за совѣсть:

„Воспитанные въ духѣ идей, цѣлымъ вѣкомъ отставшихъ отъ жизни, они попадаютъ въ положеніе москвитовъ 17-го столѣтія, очутившихся вдругъ на улицахъ шумнаго западнаго города. Жизнь ушла далеко впередъ и оказалась совсѣмъ не

тѣмъ, чѣмъ изображала ее школа. Семинариста готовили къ пастырской дѣятельности, къ духовному руководительству народа. Въ сознаниіи своего нравственнаго долга онъ выходитъ на кафедру и отсюда раздается проповѣдь, сухая, схоластичная, на языкѣ 18-го вѣка, уснащенная текстами, не выходящая изъ сферы отвлеченныхъ понятій, далекихъ и чуждыхъ жизни. Общество не понимаетъ проповѣдника, а онъ не понимаетъ дѣйствительныхъ запросовъ народа. Получается трагическій разладъ, взаимное непониманіе... Эта группа семинарскихъ питомцевъ, случается, выделяетъ изъ себя людей энергичныхъ, но безусловно сбитыхъ съ толку семинарской премудростью. Именно она - то и даетъ ожесточенныхъ фанатиковъ церковно-приходской школы, обличителей врачей и учителей, духовныхъ вождей и вдохновителей черносотенныхъ дружинъ. Эти глубоко антиобщественные элементы, не вѣдая, что творять, насаждаютъ мракобѣсіе и, соединяясь со всѣми темными и невѣжественными силами, губятъ дѣло церкви и роняютъ ее нравственный авторитетъ" (Духов. школа, стр. 121—123, ст. г. С. Любимова).

Къ этимъ горькимъ, но справедливымъ замѣчаніямъ о томъ, въ какой мѣрѣ осуществляется духовной школою настойчиво выдвигаемая на первый планъ ея профессиональная задача, едва-ли нужно что-нибудь прибавлять...

Доселѣ мы говорили исключительно объ учебномъ строѣ низшей и средней духовной школы, не касаясь академій; но двойственность научныхъ и церковно-практическихъ задачъ, настойчиво отстаиваемая до послѣдняго времени ихъ властными руководителями, проявляется и здѣсь въ не менѣе уродливыхъ чертахъ. Мы не будемъ долго останавливаться на томъ, что всѣ такъ называемыя „свѣтскія“ науки, входящія въ составъ академическаго курса, не исключая и столь близко соприкасающихся иногда съ сферою богословскаго изслѣдованія философскихъ наукъ, занимаютъ, какъ и въ семинаріяхъ, какое-то не совсѣмъ полноправное положеніе и не признаются достойными одинаково внимательнаго изученія на ряду съ науками богословскаго характера. Достаточно напомнить, что никакая тема не только для магистерской или докторской, но даже и для кандидатской диссертации не можетъ пройти благополучно, если она не стоитъ въ какомъ-нибудь, хотя бы самомъ отдаленномъ „отношеніи“

къ богословію. Люди близко знакомые съ ученою жизнью академій хорошо знаютъ, сколько поистинѣ виртуозной изобрѣтательности проявляется иногда въ установкѣ такого „отношенія“. Въ статьѣ проф. Тихомирова „О духовныхъ академіяхъ“, помѣщенной въ рассматриваемомъ сборникѣ, приведенъ слѣдующій весьма яркій примѣръ: одинъ солидный философъ написалъ прекрасное сочиненіе о Локкѣ (ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ); „вѣдь ужъ, кажется, никакого отношенія къ богословію! а онъ взялъ да и присоединилъ въ концѣ книги обзоръ богословскихъ мнѣній объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ; и диссертация благополучно прошла чрезъ чистилище“ (Дух. шк., стр. 344)... Но и научная разработка самихъ богословскихъ наукъ далеко не свободна отъ многихъ ограниченій, вытекающихъ изъ того же преобладанія своеобразно понятыхъ церковно-практическихъ интересовъ надъ чисто научными. Казалось бы, и достоинство высшей богословской школы, и уваженіе къ наукѣ, которая не можетъ, въ послѣднихъ своихъ выводахъ, стать въ противорѣчіе съ богооткровенной истиной, хранимой въ православной церкви, достаточно обуславливаютъ свободу научно-богословскаго изслѣдованія или, по меньшей мѣрѣ, свободу выбора предметовъ, подлежащихъ изслѣдованію. А между тѣмъ, какъ сообщается въ той же статьѣ,—

„въ указахъ св. синода по поводу диссертаций не мало есть и довольно своеобразныхъ предметныхъ требованій. Напримѣръ, въ сочиненіяхъ по священному писанію запрещается отвергать подлинность какой-либо священной книги или даже ея части. Запрещается говорить о разныхъ авторахъ Пятикнижія, Исаи, давать историческое объясненіе такъ называемымъ мессіанскимъ мѣстамъ и т. д. Въ сочиненіяхъ по церковной исторіи запрещается заниматься еретиками, особенно систематизировать ихъ ученія, нельзя упоминать о церковныхъ „партіяхъ“ 4 и 5 вѣковъ, нельзя отрицать древнерусскихъ легендъ и т. д. Въ богословскихъ сочиненіяхъ нельзя даже расходиться съ филаретовскимъ катихизисомъ. Одна такая диссертация (о церкви) прошла въ академіи, а синодъ поручилъ ее читать еще епископу костромскому Виссаріону. Послѣдній ее одобрилъ, но при этомъ имѣлъ неосторожность посоветовать перемѣнить, соотвѣтственно выводамъ автора,

въ катихизисѣ объясненіе 9 члена символа вѣры; за это не только автору было отказано въ степени магистра, но и преосвященный рецензентъ, кажется, подвергся непріятностямъ“ (стр. 344).

Мы не будемъ умножать дальнѣйшими выдержками изъ лежащей передъ нами книги фактовъ, характеризующихъ ненормальность учебнаго строя современной духовной школы. Сказаннаго до сихъ поръ достаточно, чтобы оцѣнить по достоинству тѣ организаторскія усилія, которыя превратили эту школу въ „бастилію духа“ и довели ее, въ концѣ концовъ, до полнаго банкротства и разложенія.

Обратимся теперь къ воспитательному строю духовно-учебныхъ заведеній, какъ онъ обрисовывается въ статьяхъ, вошедшихъ въ составъ разсматриваемаго сборника.

И. Громогласовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
